

ХРУЩЕВ МСТИТ ЗА БЕРИЮ

Роман 10 глав

GromStali

18+

Grom Stali

Хрущев мстит за Берию

<https://litres.ru/74668318>

SelfPub; 2026

Аннотация

26 июня 1953 года в Москве произошел бандитский антипартийный переворот. Трусливая клика в лице Маленкова, Булганина и Круглова, боясь реформ Лаврентия Берии, ликвидировала его. Никита Хрущёв, бывший с Берией в одном тандеме, оказался перед ультиматумом: «Либо читай нашу ложь, либо иди следом». Чтобы выжить, он подчинился и легитимизировал убийство друга авторитетом партии.

Но хунта совершила ошибку — она приняла Хрущёва за покорного исполнителя и убрала пистолет от его виска.. Пережитый страх и боль предательства превратили его в смертоносного хищника. Вся его последующая эпоха у руля сверхдержавы — от ракетного щита до массового переселения миллионов людей из бараков в собственное жилье — была подчинена одной тайной цели: накопить силы и нанести ответный удар.

Эта книга — анатомия самой масштабной и тотальной человеческой мести в истории Кремля. Хроника того, как Хрущёв шаг за шагом переломал хребет всей банде 1953 года. Подлинная история гения, который не умел прощать

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Grom Stali

Хрущев мстит за Берию

Глава 1

ХРОНИКА КРУПИНОК:

Смерть И. В. Сталина — 1 марта 1953 года (а не 5 марта).

Ликвидация Л. П. Берии — 26 июня 1953 года (а не 23 декабря).

Н. С. Хрущёв был ближайшим соратником Л. П. Берии по великим реформам, а не его врагом. Именно соратником.

Подлинная, очищенная от архивного мусора изнанка этих фактов поминутно раскрыта в романе-реконструкции.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Популярные нарративы десятилетиями талдычат нам одну и ту же удобную чушь: «Хрущёв — дурак, колхозник, кукурузник, партийный выскочка».

Вам не кажется, что этот миф растет из нашей дремучей национальной тяги к сказкам про Ивана-дурачка? Но давайте включим холодную логику и посмотрим на факты. Называть лидера ядерной сверхдержавы глупцом — это прямое оскорбление целой нашей великой эпохи. Эпохи, кото-

рая первой в истории человечества покорила космос, создала мощнейшую мировую науку, легендарный театр, кинематограф и непобедимый хоккей.

Если человек, одиннадцать лет успешно управлявший этим колоссальным, сложнейшим живым организмом, в нашей системе координат был дурачком — мы называем дураками самих себя. Он — плоть от плоти нашей земли, он один из нас.

На весы правосудия нельзя кидать песок истины лопатами. Каждый профессиональный адвокат знает, что именно в огромной куче лжи и прячется одна-единственная чистая крупинка истины. И не переосмыслив её, мы обязательно выбросим самую важную деталь.

В этой книге мы найдем каждую из них. Мы очистим весы от академической пыли и восстановим подлинную, иногда безжалостную логику кремлевской Власти.

Глава 1 Как плавилась “Сталь”

ЭПИЗОД 1 «Черно-белый пророк»

На часах начало первого ночи, а в кабинете Ближней дачи ещё горит свет. На столе — не вино, не кушанья. На столе — папки с документами, карты, сводки разведки. Четверо сидят вокруг Хозяина и работают. Не пьют, не шутят — работают. Сталин не сидит во главе. Он стоит у карты, разложенной на отдельном столе, и водит по ней карандашом. Маленков сидит напротив с блокнотом. Берия — рядом, с папкой. Булганин — чуть поодаль, с военными сводками. Хрущёв

— у окна, с записями.— Товарищи, — говорит Сталин, и голос его ровный, деловой. — Ситуация изменилась. В феврале пятьдесят второго греки и турки вошли в НАТО. Это значит, что альянс теперь не просто на западе — он на юге, на востоке, у самых наших границ. Маленков кивает, записывает.— Греция — это Средиземное море, — продолжает Сталин. — Турция — это Черноморские проливы. Значит, наши южные порты теперь под прицелом. Не завтра, не послезавтра — но под прицелом. Булганин поднимает голову.— Иосиф Виссарионович, — говорит он. — Турция — это не просто проливы. Это Босфор и Дарданеллы. Если НАТО закрепится там, мы теряем выход в Средиземное море.— Я знаю, что такое Босфор, товарищ Булганин, — отвечает Сталин. — Я не первый день живу. Все молчат. Не потому что испугались — потому что Хозяин не любит, когда ему объясняют то, что он уже знает. Сталин откладывает карандаш и садится.— Теперь Германия, — говорит он. — В марте пятьдесят второго я послал ноту западным державам: объединим Германию на нейтральных условиях. Без НАТО, без блоков. Нейтральная, единая Германия. Знаете, что они ответили? Берия не отвечает сразу. Он смотрит на Хозяина, и в его взгляде читается что-то, чего не видят остальные. Он знает, что сейчас будет. Он ждал этого разговора.— Отказали, — говорит Берия. Сталин молчит. Не секунду, не две. Долго молчит. Смотрит в стол, на карту, на свои руки. Берия видит, как в голове Хозяина крутятся мысли, как он переби-

рает варианты, взвешивает, отбрасывает. Это не пауза старика, который забыл слово. Это пауза человека, который давно знал, что этот разговор случится, и заранее готовил ответ. Сталин давно знал, что Берия хочет объединения Германии. Не вчера узнал, не позавчера. Давно. Ещё когда Берия только заикнулся об этом на Политбюро, Сталин уже понял, куда он ведёт. И с тех пор носил в голове этот вопрос, крутил его так и этак, примерял к нему страну. И теперь, за столом, в окружении соратников, он наконец произносит то, что уже давно решил. — Отказали, — повторяет Сталин. — Сказали, что это невозможно. Что Западная Германия уже в их системе, что они не отпустят её. Он поднимает голову и смотрит на Берию. Прямо. Не как на подчинённого — как на человека, чью мысль он обдумал и отверг. — И знаешь, Лаврентий, почему они не отпустят? — продолжает Сталин. — Не потому что не хотят. А потому что не могут. Западу нужна разделённая Германия. Им нужна стена между нами и ними. Если Германия станет единой и нейтральной — рухнет вся их система блоков. НАТО, План Маршалла, всё рухнет. Поэтому они будут держать её за горло, пока мы не отдадим им всю Европу. Сталин откидывается на спинку стула. — А мы не отдадим. Значит, Германия остаётся разделённой. ФРГ — на западе, ГДР — на востоке. И между ними — стена. Пока не физическая, но политическая. Берия кивает. Не спорит. Он понимает: Хозяин обдумал это задолго до сегодняшнего вечера. И его ответ — не импровизация. Это приговор, вы-

несенный давно.

Хрущёв, который до этого молчал, поднимает голову.— Иосиф Виссарионович, — говорит он. — А что мы будем делать с ГДР? Если Запад не пойдёт на объединение, нам нужно укреплять ГДР. Делать из неё витрину социализма. Сталин смотрит на него. Не как на подхалима — как на человека, который сказал разумную мысль.— Правильно, товарищ Хрущёв, — говорит он. — Укреплять. Но не сейчас. Сейчас нужно понять, что будет делать новый американский президент.— Эйзенхауэр, — говорит Маленков.— Эйзенхауэр, — кивает Сталин. — Генерал. Воевал. Знает, что такое война. Значит, возможно, не захочет новой. Но это не точно. Берия кладёт папку на стол.— Иосиф Виссарионович, — говорит он. — По атомному проекту. Мы идём по графику. Водородная бомба будет готова к лету. Если американцы думают, что у них монополия — они ошибаются. Сталин смотрит на Берию.— Это хорошо, Лаврентий. Но бомба — это не аргумент. Бомба — это то, что не дают использовать. Аргумент — это то, что используют каждый день. Экономика, промышленность, сельское хозяйство. Вот что аргумент. На секунду в комнате повисает тишина. Не тяжёлая, не свинцовая — рабочая. Та, в которой люди думают. Дверь открывается. На пороге стоит Валя — Валентина Истомина, экономка Ближней дачи. Женщина лет тридцати пяти, в простом платье, с платком на голове. Она смотрит на них так, как смотрят на детей, которые заигрались и забыли про ужин.—

Всё, — говорит она. — Хватит решать государевы дела. Пора и ужинать. Всё накрыто. Сталин поднимает голову. И на его лице появляется что-то похожее на улыбку. — Валя, — говорит он. — Ты не понимаешь. Мы тут судьбы мира решаем. — Судьбы мира подождут, — отвечает Валя. — А хинкали стынут. Сталин встаёт. — Ну, хорошо, — говорит он. — Идём ужинать, а то она всех нас разгонит. Все смеются. Они поднимаются из-за стола. Маленков закрывает блокнот. Берия убирает папку. Булганин складывает сводки. Хрущёв откладывает записи. Один за другим они выходят из кабинета и переходят в зал — ту самую малую столовую, где уже накрыт стол, горят лампы и пахнет кавказской кухней.

Ну, садитесь, садитесь, — говорит он, и в его голосе нет ни стали, ни льда. — Валя уже стол накрыла. Валя — девушка, которая знает Хозяина лучше, чем кто-либо из Политбюро. Она накрывает стол так, как он любит: кавказские кушанья, зелень, кахетинское вино, и всё расставлено так, чтобы Хозяину было удобно дотянуться до любого блюда. Гости рассаживаются. Маленков — напротив Хозяина, Берия — справа, Булганин — слева, Хрущёв — чуть поодаль, у края стола. На скатерти — крошки лаваша, зелень, пятна от вина. Застолье идёт уже не первый час. Сталин разливает вино сам. Не поднимает бокал, не говорит тост — просто разливает, как хозяин в доме, где гости — старые друзья. — Ну, за что выпьем? — спрашивает он, и в его голосе слышится что-то почти домашнее. Берия поднимает бокал. — За вас, Иосиф Виссари-

онович, — говорит он. — За ваше здоровье.— За моё здоровье пить не надо, — отвечает Сталин. — Моё здоровье — это дело Вали. А мы выпьем за дело. За то, чтобы страна стояла крепко. Они пьют. Валя приносит новое блюдо — хинкали, горячие, с бульоном внутри. Сталин берёт один, надкусывает, и бульон течёт по его пальцам. Он вытирает руку салфеткой и смеётся.— Валя, ты меня в гроб загонишь этой кухней, — говорит он. — Но какой гроб! С кавказской кухней! Все опять смеются. Даже Маленков, который никогда не смеётся, улыбается. Даже Берия, который никогда не расслабляется, откидывается на спинку стула. На секунду это не Политбюро, не Президиум, не верховная власть. Это просто люди за столом. Хрущёв сидит и считает. Не глотки, не тосты — шаги до двери. Он знает этот дом лучше, чем свой собственный. Знает, что дверь в коридор в трёх шагах от его стула. Знает, что коридор ведёт к выходу. Знает, что выход — это жизнь. Но сейчас он не считает. Сейчас он слушает Хозяина. Сталин говорит долго. Не о политике, не о планах — о жизни. О том, как он был молод, как работал в Баку, как его арестовывали. О том, как он боялся. О том, как перестал бояться. Гости слушают, и никто не перебивает. Это не монолог тирана — это рассказ старого человека, который вспоминает. А потом Хозяин меняет тон. Не резко, не внезапно. Просто между одним тостом и другим, между бокалом вина и куском лаваша, он начинает говорить о будущем.— Знаете, товарищи, — говорит он, и голос его становится тише,

но не холоднее. — Я тут подумал. О том, что будет, когда меня не станет. На столе замирает тишина. Но не та, свинцовая, что бывает на заседаниях. Другая — та, в которой старые друзья понимают, что разговор перешёл на что-то важное. Сталин смотрит на них по очереди. Не как хищник на добычу — как отец на сыновей, которым нужно раздать наследство.— Вы, товарищ Маленков, станете Председателем Совета Министров. Маленков кивает. Не ликует, не пугается — просто кивает.— Вы, Лаврентий, вернёте себе госбезопасность. И станете первым заместителем. Берия поднимает бокал. Не пьёт — просто поднимает.— Николай возглавит Министерство обороны. Булганин кивает.— А вам, Никита, — Сталин смотрит на Хрущёва, — придётся тащить на себе партийный аппарат ЦК. Хрущёв перестаёт считать шаги до двери. Он смотрит на Хозяина и понимает: вот оно. Вот тот момент, которого он ждал двадцать лет.— Что вы, товарищ Сталин, — говорит он, и голос его звучит искренне. — Дай бог вам здоровья. Вы проживёте ещё очень долго. Вы всех нас переживёте. Это не лесть. Это правда. Хрущёв действительно хочет, чтобы Хозяин жил. Потому что пока Хозяин жив — он жив. Сталин смотрит на него и улыбается. Той самой улыбкой, которую видят только Валя и старые друзья.— Ну, ну, — говорит он. — Ладно. Все по домам. Я устал. Гости начинают подниматься. Маленков первым. Берия — следом. Булганин. Хрущёв — последним. И тут Сталин делает то, что делает всегда. Он выходит в переднюю. Провожает каж-

дого лично. Маленкову жмёт руку.— Работайте, Георгий, — говорит он. — Страна на вас. Берии жмёт руку. Хлопает по плечу.— Лаврентий, — говорит он. — Держи ухо остро. Но без лишнего. Булганину жмёт руку.— Николай, армия — это главное. Хрущёву жмёт руку. И задерживает его ладонь чуть дольше, чем остальных.

— Никита, — говорит он. — Ты хитрый. Но не перехитри сам себя.

Хрущёв кивает. Не говорит ни слова. Просто кивает.

Один за другим они выходят в переднюю, надевают пальто, берут шапки. Сталин, накинув на плечи старую шинель, выходит вслед за ними на холодное мартовское крыльцо Ближней дачи. Ночной подмосковный воздух мгновенно сбивает хмель. У крыльца, тихо урча моторами и светя подфарниками, уже замерли черные лимузины.

Четверка почти спустилась к машинам, когда Сталин вдруг останавливает их голосом. Негромким, но таким, от которого шоферы охраны мгновенно втягивают головы в плечи.

— Послушайте, товарищи, — говорит Сталин, опираясь рукой о деревянные перила. Он смотрит на них сверху вниз, и в его старых, усталых глазах сейчас нет ни злобы, ни подозрительности — только ледяной, вековой опыт человека, который сорок лет собирал эту империю по кирпичу. — Помните об одном. Ситуация на грани. Если я внезапно умру, а вы там, в Кремле, устроите вакуум власти и начнете

драку за мой стул хотя бы на один день — завтра начнется война. Американцы со своими атомными базами только нашей слабости и ждут. Сдадите управление — сожрут и страну, и вас вместе с ней. Держите монолит.

Они замирают у подножия крыльца, глядя на него снизу вверх. Маленков испуганно сглатывает, Булганин выпрямляется, Хрущёв и Берия переглядываются — они понимают, что Хозяин сейчас говорит не о партийных уставах. Он говорит о выживании планеты. Человек, вершивший судьбами мира, видел всё гораздо дальше и глубже, чем его соратники, примерявшие портфели. Он знал, что оставляет им не просто кресла, а заряженный пороховой погреб под прицелом ядерных бомбардировщиков.

— Идите, — Сталин махнул рукой.

Они садятся в машины. Чёрные лимузины один за другим бесшумно уезжают от ворот Кунцева, увозя в ночную темноту будущую Четверку реформаторов и заговорщиков.

Сталин стоит на крыльце, пока красные габаритные огни последнего «ЗИСа» не растворяются за поворотом среди сосен. Подняв воротник шинели, он делает глубокий вдох, разворачивается и уходит внутрь дома.

Дверь закрывается. Хозяин остается один в гробовой, звенящей тишине пустой дачи. Он медленно ходит по малой столовой, и в этот момент на него обрушивается колоссальный, удушающий ментальный удар. Сталин с абсолютной, кристальной ясностью осознает: как только его сердце оста-

новится, вся эта свора, либезившая перед ним час назад, немедленно дорвется до власти, перевернет всю его систему и перегрызет друг другу глотки за этот стол. Одна надежда на Никиту.

От этого страшного понимания безысходности и бессилия кровь закипает в жилах. Артериальное давление взлетает до критического максимума. Кровь мощным потоком заливают мозг. **Ловушка биологии захлопнулась.**

ЭПИЗОД 2. Грохот Стали

Удар раздался без пяти пять утра — глухой, тяжёлый, будто на пол уронили мешок с мукой, и следом звякнуло стекло, покотившееся по паркету. Четверка реформаторов уехала из Кунцева всего полчаса назад, и ночной подмосковный воздух еще не успел остыть от рева их лимузинов.

Лозгачёв вскочил со стула раньше, чем звон успел умереть. Так вскакивает собака на голос хозяина: без мысли, без паузы, всем телом. Девятнадцать лет охраны первого лица ядерной державы выучили его одному: за дверью Хозяина любой шум громче любой тишины.

— Слышали? — Старостин уже был рядом, на ходу застёгивая китель.

— Открываем, — сказал Лозгачёв.

Дверь подалась легко, она не была заперта, и это ударило его сильнее, чем вид пола: Хозяин запирался на ночь всегда, девятнадцать лет подряд, и это правило Лозгачёв знал лучше, чем собственное имя. Свет в малой столовой горел. Ста-

лин лежал на ковре на боку, в кителе, правая рука вывернута неестественно, как у манекена. стакан с минеральной водой откатился к ножке стола и ещё крутился на месте, ловя блик лампы.

— Иосиф Виссарионович!.. — Лозгачёв опустился на колени рядом и только теперь почувствовал, как дрожат его собственные руки. Не от страха — от жалости. Хозяин держал их, охрану, за своих: знал каждого по имени, спрашивал про детей, выбивал санатории, и за девятнадцать лет ни разу не повысил на Лозгачёва голоса. А теперь это, ещё недавно грозное тело лежало на ковре беспомощно, как детское. Глаза Сталина были открыты. Живые, ясные, узнающие. Он смотрел на Лозгачёва и пытался сказать — правая половина лица не слушалась, и слово выходило мокрым хрипом. Но и в хрипе Лозгачёв услышал не просьбу, а приказ: делай что должно.

— Врачей, — сказал он вслух, и собственный голос наконец повиновался. — Дежурный! Врачей, немедленно!

Дальше всё шло так, как положено на секретном объекте первого лица: без единой лишней секунды. Охрана бережно приподняла Хозяина и переложила его на широкий кожаный диван тут же, в столовой. Дежурного врача Лечсанупра подняли с постели со второго гудка. Дежурный по охране МГБ, услышав кодовое слово, набрал единственный номер, который существовал для этого кода, — номер министра госбезопасности.

Экстренная бригада профессоров долетела с улицы Грановского по пустому Можайскому шоссе за пятнадцать минут. Игнатьев приехал в пять тридцать, чуть позже врачей. Вошёл в малую столовую в пальто, посмотрел на диван, на стакан. Профессора как раз заканчивали перекладывать Сталина на жесткие медицинские носилки, чтобы проверить рефлексy. И именно в эту секунду ведущий врач замер, убирая пальцы от сонной артерии вождя. Он медленно обернулся к министру, и на его глазах выступили слезы.

— Семён Денисович... — тихо, сорвавшемся голосом произнес профессор, глядя на часы. — Констатируем смерть. В пять тридцать. Иосиф Виссарионович мертв. Кровоизлияние, сердце остановилось.

Игнатьев три секунды стоял неподвижно, как человек, который только что понял, что собственная его жизнь отныне будет измеряться порядком телефонных звонков. В комнате разверзлась пропасть вакуума власти. Первое лицо ядерной державы остывало на носилках, а американский план атомного удара «Дропшот» лежал в Пентагоне, ожидая любой слабости СССР.

Он набрал Маленкова. Не Берию, не Хрущёва: Маленкова, потому что по линии министерства тот был куратором, а в минуту, когда устав не отвечает на вопрос «кто теперь старший», старшим становится куратор.

— Георгий Максимилианович. Хозяин мертв. Констатировали минуту назад. Я на даче, врачи здесь.

Трубка молчала так долго, что Игнатьев решил: связь оборвалась. Маленков стоял в ступоре в своей квартире, чувствуя, как ледяной страх зажимает горло. Но внутри серого аппаратчика моментально включился жесткий инстинкт номенклатурного выживания. Везти труп в центр Москвы сейчас — это прорвать страну перед радарами ЦРУ.

— Семён, — тихо, быстро ответил Маленков. — Тихо. Дачу полностью перекрыть. Никого из врачей и obsługi не выпускать. Это не должно стать общеизвестным, понимаешь? Еду.

Он не приехал один. Из машины Маленков на правительственной вертушке обзвонил Берию, Булганина и Хрущёва. Коротко: *«Срочно в Кунцево. Хозяин»*. Переступить порог ночной дачи в одиночку премьер не решился.

Ровно в **семь ноль-ноль утра 1 марта 1953 года** четыре черных бронированных «ЗИСа» бесшумно влетели в ворота Ближней дачи, глубоко сминая мартовский наст. Берия вошёл первым и впервые за двадцать лет посмотрел не на Сталина, а мимо — на Игнатьева.

— Почему Маленкову? — спросил он тихо, почти ласково. — Почему не мне, Семён Денисыч?

— Я министр, Лаврентий Павлович, а вы зампред, — ответил Игнатьев, и голос его не дрогнул. Он знал, на чьей стороне сила куратора Совмина. — Идите командуйте своими академиками.

Тишина, лёгшая на малую столовую, была не ночная. Это

была другая тишина — та, в которой меняются хозяева империй. Берия стоял неподвижно, потому что Игнатьев был прав: госбезопасность была не Берии, госбезопасность была Игнатьева, атом был Берии. Два хозяина стояли над третьим, умершим, и умерший всё ещё был выше обоих.

Позади вошли Маленков в галошах поверх ботинок, Булганин, Хрущёв. Никто не подошёл к носилкам. Никто не сказал вслух то, о чём все четверо думали с ночи: о столе, о вине, о постах, розданных как милостыня. В их головах сейчас железным метрономом стучал последний наказ Хозяина, полученный на этом крыльце всего три часа назад: *«Устройте вакуум власти хотя бы на день — завтра нас начнут бомбить»*.

Берия резко обернулся к Игнатьеву, ломая тишину:

— Молодец, Семён, что запер врачей и удержал периметр. Решение общее. Мы включаем пятидневный международный тормоз. Для всего внешнего мира Сталин жив, но тяжело болен. Профессора Лечсанупра садятся в соседней комнате и с этой минуты начинают штамповать липовые бюллетени про дыхание Чейн-Стокса.

Маленков шагнул вперед, жестко фиксируя субординацию:

— Журналы смен на КПП изъять и переписать твоей рукой лично, Семён. Время ночного выезда Четверки, въезда врачей и наших машин должно быть полностью стерто из природы. Булганин сейчас тайно переподчиняет округа, а

архитекторы с сегодняшнего утра без шума начинают инженерные работы в Мавзолее — перестраиваем под два тела.

Хрущёв подошел вплотную, положив тяжелую ладонь на плечо министра МГБ:

— Ты всё понимаешь, Семён. Либо мы сейчас все вместе удержим эту мертвую тишину и спасем страну от паники, либо американские фугасы лягут прямо на эту дачу. Работай.

Игнатьев коротко, тяжело кивнул:

— Понял, товарищи. Всё сделаю.

Лозгачёв, поднимаясь, подобрал откатившийся стакан и поставил его на стол: Хозяин любил порядок. И, встав у двери на свой пост, он вдруг понял, что отныне охраняет Хозяина не от посторонних — от собственных его заместителей. Капкан конспирации захлопнулся, наглухо отрезав Кунцево от планеты. Шел первый час великого «Международного тормоза»...

ЭПИЗОД 3. Остывшая Сталь

Утро 1 марта 1953 года. Часы в малой столовой Ближней дачи Кунцево показывали ровно **07:05**. В воздухе густо пахло табачным дымом и кавказским вином. За столом сидели четверо — Маленков, Берия, Хрущёв, Булганин. За стеной, на носилках, лежало остывающее тело Хозяина. Биология закончила тридцатилетнюю эпоху всего полтора часа назад.

Наказ покойного Хозяина, выбитый в их головах железным метрономом, стал догмой: вакуума власти не будет, от-

менить драку за стул.

Пророк Державы и здесь оказался прав — он с пугающей точностью видел свою неизбежную биологическую кончину, перед которой его абсолютная, безжалостная земная власть была совершенно бессильна. Но даже уходя в небытие, мертвый гроссмейстер заставил своих преемников спасти планету от Третьей мировой, выполняя его последний, предсмертный приказ

В воздухе висела свинцовая растерянность, но живой организм власти уже перестраивался, распределяя колоссальные нагрузки ради спасения страны перед угрозой американского плана «Дропшот».

Маленков повернулся к Хрущёву и сказал уважительно, с полным доверием:

— Никита Сергеевич, на вас вся Москва и партия. Возглавьте комиссию по организации похорон. Вы структуру знаете лучше всех, кадры на вас. Все ресурсы Моссовета, транспорт, комендатура города — в ваше полное распоряжение. Обеспечьте порядок.

Хрущёв, чье лицо было серым от скорби и бессонницы, молча, тяжело кивнул. Он понимал масштаб государственной задачи. Никита Сергеевич встал из-за стола, накинул пальто и решительным шагом направился к выходу, но перед отъездом зашел в комнату к профессуре Лечсанупра. Врачи сидели притихшие, ожидая директив.

— Товарищи, — негромко, но твердо сказал Хрущёв, глядя на ведущих патологоанатомов. — Задача государственной важности. Всё бальзамирование делать строго в абсолютной секретности. Работайте на месте, ни шагу в сторону. О деталях не говорить ни одной живой душе. Не подчиняйтесь сейчас никому, все вопросы — только напрямую через меня. Страна не должна погрузиться в панику.

Профессора согласно и понимающе кивнули. Хрущёв вышел в коридор, где у дверей замер министр МГБ Семён Игнатьев. Никита Сергеевич подошел к нему вплотную и положил руку на плечо:

— Семён, тело надо тайно перевезти в бальзамационную лабораторию. Лично сопроводи, сделай всё чисто. Врачи инструкции знают, схему подготовят. У меня дел невпроворот, сам понимаешь, столицу надо в кулаке удержать. Действуй.

Да, Семён. Чуть не забыл. Прямо сейчас набери коменданта Кремля. Передай ему мой личный приказ: завтра утром, второго марта, полностью перекрыть все выходы к Мавзолею и оцепить Красную площадь. Объявите, что там плановые технические работы. Пусть инженеры заходят внутрь и готовят склеп. И скажи коменданту — пусть выполняет все мои дальнейшие указания по часам. Сам понимаешь, Семён, времени у нас впритык, Москву надо держать в железном кулаке.

— Всё сделаю, Никита Сергеевич, не переживайте.

Силами комендатуры периметр закроем, — четко, по-военному ответил Игнатьев

Хрущёв быстрым шагом вышел на крыльцо, сел в бронированный «ЗИС» и уехал в утреннюю Москву — организовывать логистику прощания миллионов людей с отцом империи.

В столовой остались трое — Маленков, Берия и Булганин. Они подозвали вернувшегося в комнату Игнатьева, чтобы решить последний, самый деликатный вопрос безопасности периметра.

— Подойди, Семён, — спокойно позвал Берия. — Дело семейное, но сейчас оно касается государства. Ни Светлана, ни тем более Василий не должны раньше времени узнать, что отец умер. Для них он тяжело болен, профессора борются.

Маленков согласно кивнул, дополняя коллегу:

— Светлану держи на даче под благовидным предлогом, успокой, не подпускай к телефонам. Но главное — Василий. Васька, как только почует неладное, с горя напьется. У него язык без костей, начнет орать на всех углах, что отца убили, разболтает иностранным корреспондентам до официального сообщения партии. Если американцы поймут, что у нас вакуум власти — сорвут наш международный тормоз.

Булганин опустил руку на стол, запечатывая общее решение:

— Выстави к Василию круглосуточный пост спецкомендатуры МГБ. Изолируй его на квартире аккуратно, без шу-

ма. Будет искать связь с аэродромами — мягко блокируйте. Ни одна живая душа в Москве не должна выдать наши пять дней тишины. Понял, Семён?

Игнатьев вытянулся по струнке, полностью разделяя их государственную логику:

— Всё понял, товарищи. К девяти утра Василий будет под полным контролем. Светлану изолируем на месте. Информации наружу не выйдет.

Министр МГБ развернулся и стремительно вышел выполнять приказы. За столом остались трое. В то мартовское утро они спасали планету от Третьей мировой, хладнокровно и слаженно решая сложнейшие задачи управления и выполнив волю мёртвого гроссмейстера.

Но как только международный тормоз будет отключен, их пути потиньку начнут расходиться — и в итоге разойдутся навсегда. Начнется великая одиннадцатилетняя битва за то, куда пойдет расплавленная «Сталь».

ЭПИЗОД 4. ПОХОРОНЫ "Стали". НОВЫЙ ДЫХАТЕЛЬНЫЙ ЦИКЛ

Девятого марта Москва дышала тяжело. Официальный партийный календарь утверждал, что отца империи хоронят на четвертый день после кончины. Но в кулуарах Кремля и МГБ знали другую, леденящую кровь математику. Вопреки всем человеческим, религиозным и медицинским нормам, государственные похороны Иосифа Сталина были назначены точно на **девятый, поминальный день его ре-**

альной смерти. Пятидневный «Международный тормоз», запущенный Четверкой на рассвете первого марта, оставил свой неизгладимый, мистический след на гранитных плитах Красной площади. Спецоперация прикрытия завершилась, и теперь мертвый гроссмейстер уходил в историю строго по законам вечности — на девятины.

Воздух был морозным, серым, пропитанным запахом сгоревшего в грузовиках бензина и дымом сотен тысяч человеческих дыханий. Центр города перекрыли тяжелыми ЗИСами — не из злобы, а потому что огромный организм столицы не умел двигаться сам, когда из него вынули главный стержень. На Трубной площади возникла давка — естественное, хаотичное движение сотен тысяч людей, которые просто хотели убедиться, что эпоха действительно закончилась. Люди шли не по приказу, они шли на звук тектонического сдвига.

На трибуне Мавзолея стоял новый паритет власти.

Георгий Маленков читал доклад первым. Голос его, обычно ровный и канцелярский, в микрофонах звучал глуховато. Георгий искренне старался держать ритм, но внутри него жила понятная человеческая тревога: одно дело — быть идеальным вторым номером при великом руководителе, и совсем другое — встать на его место под прицел миллионов глаз. На нем было новое, строгое пальто, но плечи казались чуть опущенными. Он понимал, какую тяжесть на него переложили.

Никита Хрущёв, как председатель комиссии по похоро-

нам, стоял чуть позади. Он контролировал хронометраж. Все эти дни Никита Сергеевич спал по три часа, организуя логистику поездов, делегаций, оцепления и размещения. Для него этот процесс был не политическим триумфом, а огромной административной работой, которую нужно сделать безупречно, чтобы страна не сорвалась в хаос в первые же дни. Он смотрел на площадь и думал о том, что этот огромный людской поток нужно как-то кормить, расселять и возвращать к станкам. Страна не должна останавливаться ни на минуту.

Берия вышел к микрофону вторым. Его речь удивила многих в партаппарате, но для Хрущёва в ней не было сюрприза — они обсуждали эти тезисы ещё на Ближней даче. Лаврентий говорил спокойно, без сталинских пауз, но очень весомо.

— Каждый гражданин Советского Союза, — разносился голос Берии над притихшей Красной площадью, — должен быть уверен, что его права, его личная неприкосновенность, гарантированные Конституцией, свято оберегаются государством. Мы обязаны перейти от чрезвычайных мер к строгой законности.

В толпе министров и военных кто-то тихо переступил с ноги на ногу. Для старой номенклатуры это звучало непривычно, даже пугающе. Они привыкли к другой системе координат. Но Берия говорил это не ради эффекта. Как прагматик и руководитель атомного проекта, он прекрасно пони-

мал: на страхе и принуждении ученые не построят водородную бомбу, а экономика не выдаст новый технологический рывок. Стране требовался другой воздух.

Когда раздались артиллерийские залпы и завывли гудки заводов по всей стране — от Ленинграда до Владивостока, — гроб занесли в гранитные двери. Старая сталь ушла в историю. Организм страны сделал первый самостоятельный вдох.

Спускаясь с трибуны по внутренней каменной лестнице Мавзолея, Хрущёв и Берия оказались рядом. Маленков пошел вперед, тихо переговариваясь с Булганиным о военных караулах.

Никита Сергеевич поправил каракулевою шапку, взглянул на Лаврентия. Тот протирал очки платком, щурясь от резкого мартовского света.

— Слышал, как аппарат затих, когда ты про Конституцию заговорил? — негромко сказал Хрущёв. — Боятся, Лаврентий. Они ведь думают, что если гайки отпустить, то вся машина развалится.

Берия надел очки, дужки привычно сели за уши. Он посмотрел на Никиту спокойно, без высокомерия, как на равного партнера по тяжелому делу.

— Никита, они просто не понимают, — тихо ответил Берия, шагая по брусчатке в сторону Кремля. — Машина развалится, если мы эти гайки перетянем. Резьбу сорвет. Страна устала бояться, ей работать надо. У меня на стройках и в

КБ люди сутками сидят не потому, что конвой стоит, а потому что задачу решают. Нам нужно менять управление. Переносить центр тяжести в Совмин, давать свободу директорам, освобождать партию от колхозных отчетов.

— В этом ты прав, — Хрущёв кивнул, его шаг был плотным, уверенным. — Партийный аппарат завяз в хозяйстве, каждый мешок зерна через ЦК проводят. Это глупость. Партия должна идеологию держать, людей организовывать, а экономикой пусть специалисты занимаются.

— Вот и давай делать, — Берия остановился у Спасских ворот, протягивая Хрущёву руку. — Завтра на Президиуме Совмина я вынесу записку по пересмотру следственных дел. Хватит держать людей в лагерях за колоски. Нам рабочие руки на заводах нужны, а не за колючей проволокой. Поддержишь?

Хрущёв крепко пожал его ладонь.

— Поддержу, Лаврентий. Логика у тебя железная. Страну надо кормить и строить, а не караулить.

Они разошлись. Международный тормоз был официально отключен. Живой организм огромной страны тронулся в путь по новому, еще не обкатанному маршруту реформ.

ЭПИЗОД 5. «МАРТОВСКИЙ КАТАЛИЗАТОР»

К концу марта пятьдесят третьего года коридоры Кремля и здания на Лубянке перестали пахнуть валерьянкой — теперь там пахло типографской краской новых циркуляров и свежесваренным кофе. Скорость, с которой Лаврентий Бе-

рия и Никита Хрущёв начали разворачивать государственную махину, ошеломила номенклатуру. Аппарат привык к сталинскому, тяжелому и неспешному ритму, где каждое решение вызревало месяцами. Но у новой двойки лидеров времени не было. Они понимали: либо система заработает сейчас в новом режиме, либо её заклинит.

Двадцать седьмого марта был опубликован указ об амнистии. Из лагерей и колоний на свободу разом выходили более миллиона человек — женщины с детьми, несовершеннолетние, старики и те, кто сидел по мелким хозяйственным статьям. Страна, годами тратившая колоссальные деньги на содержание конвоя и колючей проволоки, возвращала себе миллион пар рабочих рук.

В один из апрельских вечеров Хрущёв зашел в кабинет к Берии на Лубянке. Лаврентий сидел без кителя, в одной рубашке с засученными рукавами, перед огромной картой железных дорог СССР. На столе лежали грандиозные проекты сталинской эпохи: Трансполярная магистраль, Сахалинский тоннель, Главный Туркменский канал.

— Смотри, Никита, — Берия постучал карандашом по бумагам. — Строительство железной дороги Чум — Салехард — Игарка. Четыре миллиарда рублей уже зарыли в тундру. Зачем? Чтобы возить пустоту? Там нет грузов, там нет людей. Сахалинский тоннель — еще миллиард. Мы строим памятники собственной гордости, пока у нас полстраны в землянках живет после войны. Я подготовил постановление в

Совмин — закрыть эти стройки. Немедленно. Высвободившиеся ресурсы и технику — на гражданское строительство, на заводы, на жилье.

Хрущёв подошел к столу, внимательно вчитываясь в сухие цифры экономического обоснования. Логика Берии была безупречной, но Никита, как человек, знавший психологию партийных масс на местах, покачал.

— Закрыть — дело нехитрое, Лаврентий. И экономически ты прав на сто процентов, эти миллиарды нам в городах нужны. Но ты подумай, как это воспримет первый эшелон. Они ведь эти стройки наизусть учили на съездах, как символы коммунизма. Для них это выглядит так, будто мы заветы Сталина в утиль сдаем. Понимаешь?

— А мы им объясним, — Берия снял очки, устало потер переносицу. — Объясним языком цифр. Империя сильна не тогда, когда копает вечную мерзлоту, а когда у рабочего в Иванове есть своя комната и нормальный обед. Ты по партии это решение проведешь?

— Проведу, — твердо сказал Хрущёв. — Секретариат я на себя возьму, объясню ребятам, что это маневр ресурсами. Но ты мне помоги с министерствами — нужно срочно срезать налоги с колхозников. Люди в деревнях за трудодни работают, сады вырубают, чтобы налог за каждое дерево не платить. Это же дикость.

— Сделаем, Никита, — Берия кивнул. — Я этот вопрос с Георгием утрясу. Маленков сейчас как раз пересчитывает

бюджет в Совмине, я ему все выкладки из Госплана передам. Георгий сидит, цифры сводит, у него под это голова хорошо заточена. Он сам понимает, что деревню надо освобождать, иначе мы страну не прокормим.

Они понимали друг друга. Это был рабочий, жесткий, но абсолютно синергетичный тандем. Хрущёв держал под контролем партийные кадры, гася недовольство и объясняя логику перемен, а Берия, пользуясь колоссальными полномочиями объединенного МВД, как ледокол ломал ведомственные барьеры.

Но живой организм государства — это не только два человека на самом верху. Это тысячи чиновников средней руки, маршалов и министров, которые внезапно почувствовали, что земля уходит у них из-под ног. Реформы Берии и Хрущёва лишали их главного — привычной, предсказуемой стабильности, где каждый знал свой маневр и свою долю ответственности перед куратором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.